

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

ДОЛГ ОБОРОТНЯ

Елена Арсеньева

Долг оборотня

«Елена Арсеньева»

2020

Арсеньева Е. А.

Долг оборотня / Е. А. Арсеньева — «Елена Арсеньева», 2020

ISBN 978-5-699-74226-4

Это была самая красивая девчонка на свете! Длиннющие черные косы, сказочные зеленые-презеленые глаза. И вся такая тонкая – черные джинсы, майка и балетки, казалось, на ней нарисованы... В общем, вы ведь уже поняли, да? Я влюбился в незнакомку с первого взгляда. И сразу заметил: она необыкновенная. Настолько, что, может, и не человек даже. А кошка. Или мне все-таки показалось? Я последовал за загадочной девчонкой... а оказался в плену у ведьмы. И это стало еще не самой большой моей неприятностью!

ISBN 978-5-699-74226-4

© Арсеньева Е. А., 2020

© Елена Арсеньева, 2020

Содержание

Долг оборотня	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Елена Арсеньева

Долг оборотня

© Арсеньева Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Долг оборотня

*Животные не спят. Они во тьме ночной
Стоят над миром каменной стеной.*

Николай Заболоцкий

*Мое спасение совсем рядом. Осталось только лапу протянуть... то есть руку.
Протянуть руку. Разрыть землю, докопаться до крышки гроба, сорвать ее и вытащить мертвое тело этого, как его... я только что прочитал на кресте, как его зовут, этого пацана...*

Забыл.

Да какая мне разница, как его зовут?! Мне не имя его нужно. Мне нужно кое-что из этой могилы.

Чтобы весь этот кошмар, который со мной творится, кончился! Чтобы я смог вернуться домой!

К маме с папой.

Вернуться – и все забыть!

Осталось сделать один шаг. Одно движение.

Достать из могилы мертвого мальчишку.

И все! И я свободен!

Мне страшно?

Нет.

Почему же я не могу? Почему не решаюсь?! Что, я слабак?

Нет! Я смогу! Смогу!

Он мертв. Ему уже все равно, что я с ним сделаю... А для меня это значит – вернуться!

И вернуть всю мою прежнюю жизнь.

Я... сейчас. Только еще минуточку...

Я хочу вернуться. Я вернусь!

Ну! Только лапу... только руку протянуть!

* * *

Я повернул ключ в скважине, прижимая локтем свой секретный сверток, и вдруг почувствовал, что за спиной кто-то стоит.

В жар так и бросило: а вдруг мама или папа вернулись? И сейчас спросят: «Что это ты несешь?»

И я представил, что с ними будет, если они увидят, что там, в свертке!

Но обошлось. Это оказался сосед из квартиры напротив.

– Здрасьте, Ликандр Андронович, – сказал я, как всегда запнувшись на этом несусветном имени.

Вытащил ключ, сунул в карман, быстренько начал спускаться – и чуть со ступенек не упал.

Что? Что такое?!

Обернулся, уставился на него, поморгал...

– Ну, Антон, похоже, у тебя зрение улучшилось, – усмехнулся сосед. – Поздравляю!

А я все стоял и смотрел на него как дурак. Смотрел – и вспоминал свои линзы, которые остались лежать в контейнере на тумбочке около моего дивана.

Я забыл надеть линзы. И все-таки увидел его, соседа! Причем увидел сразу!

Штука в том, что у меня зрение – минус восемь. Близорукий я до ужаса! Вдобавок эта близорукость какая-то дебильная: я сначала вижу все как бы не в фокусе, и нужно пару секунд, чтобы предмет или человек стали выглядеть четко.

Это очень редкое заболевание глаз. Оно называется миопия вагум – расплывчатая близорукость.

Конечно мне выписаны очки... но они уродские, как не знаю что, с толстенными стеклами. При виде людей в таких «окулярах» хочешь не хочешь, а ляпнешь что-нибудь вроде: «У кого четыре глаза, тот похож на водолаза!» или «Микроскоп ходячий!».

Я сразу отказался эти очкасы носить: стоило только представить, как выхожу во двор и слышу от Сашки с Пашкой или от Вали с Людой: «Тунец четырехглазый!» или «Тунец под микроскопом!»... Нет, это не для моих слабых нервов!

Так говорит моя мама, когда ее что-то раздражает или она хочет избежать стрессов.

Я тоже хотел избежать стрессов во дворе. У меня их и так хватало!

И все из-за моих друзей детства...

С Сашкой и Пашкой в младенческие годы мы играли в одной песочнице и катались на одних качелях, ну а девчонки, Валя и Люда, немного позже в наш дом переехали. Сначала все было нормально – честно, мы даже на дни рождения друг к дружке ходили! Потом... Ну, потом мы подросли и нас записали в разные школы.

Всех ребят – в нормальную, которая рядом с нашим домом, а меня родители внедрили – не без труда! – в школу платную, с углубленным изучением французского.

И все. И дружба врозь...

Меня во дворе сразу стали звать Дохлым Тунцом.

Дохлым – потому что я тощий. Тунцом... потому что я болтун.

И хвастун!

Сразу, чуть ли не после первого урока, захотел похвастаться во дворе, какие я французские слова уже выучил. Ну и огреб на всю жизнь!

Понимаете, в нашем классе на стенке висели изображения всяких животных, рыб и птиц с названиями по-русски и по-французски. Была там нарисована большая такая серебристая рыба. И подпись: «Тунец – *un thon*».

Это слово – *thon* – читается как «тон». Вместе с артиклем «ан» (французы, как и англичане, без артиклей жить не могут!) произносится «ан тон».

В общем, практически мое имя. Меня ведь зовут Антон.

Но с тех пор меня во дворе зовут только Тунец. Ну а Дохлый – типа, фамилия такой...

Может, надо было сразу врезать этим обзывальщикам как следует, чтобы над «і» поставить не только точку, но и двоеточие¹, однако не будешь же с девчонками драться, а Пашка с Сашкой меня еще в одной восьмой финала по стенке размажут!

Тем более что сам виноват... Молчал бы как рыба тунец – нет же, решил круть свою показать!

Ну, короче, я предпочел держаться от этих так называемых друзей детства подальше и постепенно приучил себя не обращать внимания на кличку. Я ее просто в упор не слышу! Но из-за уродских очков стрессов себе добавлять неохота. Я надеваю эти свои лупоглазы только дома. Но во двор в них не выйду под страхом расстрела!

На наше, слепешарых бедолаг, счастье, прогрессивное человечество изобрело линзы. И хоть фокусирующих линз оно еще не изобрело, все же мне стало жить чуть легче без близорукости – с одной только расплывчатостью.

¹ Двоеточие над буквой, например «і», называется тремá и обозначает раздельное произношение буквосочетания. Скажем, во французском языке сочетание «oi» обычно читается как «уа», а «oi» – как «ои». (Здесь и далее прим. автора.)

Конечно, с линзами мороки – не описать словами, а все же я постепенно привык к ним. Забыть их надеть довольно сложно, потому что с кровати не встанешь – все мутное, перед глазами плывет! Я, пардон, до туалета не дойду без них...

Но сейчас я вспомнил про линзы вот только что. Когда увидел Ликандра Андроновича и услышал, как он меня поздравляет с улучшением зрения.

То есть я встал, умылся, оделся, собрался без линз?! И без очков?!

Это как вообще?!

– Ага, – ляпнул я, ничего толком не соображая. – Улучшилось зрение, ага.

– Ну и отлично, – прошамкал Ликандр Андронович. – Слушай, Антон, у меня к тебе просьба...

Он говорил – а я на него тарасился. Честно говоря, я так отчетливо его никогда не видел, хоть мы прожили на одной площадке тринадцать лет.

В смысле, это я прожил здесь тринадцать лет, а Ликандр Андронович, конечно, гораздо дольше.

Я знал, что наш сосед – старик. Но теперь увидел, что он не просто старый, а вообще древний! Ну до ужаса! Раньше я думал, что ему лет сто, а теперь сообразил, что не меньше, чем сто пятьдесят. Казалось, он весь серым мхом поросший или паутиной облепленный...

Вот только глаза у него яркие, удивительно молодые, странного желтоватого цвета. У стариков они какие-то выцветшие, а у этого – сияют. Прямо как мамины янтарные серьги.

Смотреть на замшелого дедулю было реально страшновато, но все же мне стало жалко его. Наверное, это ужасно тоскливо – так долго жить, да еще в одиночестве. И собрав, конечно, в своем престарелом организме все болезни, которые только существуют на свете!

Про болезни – это я в точку попал, потому что Ликандр Андронович попросил меня сходить в поликлинику и изменить номер страхового полиса в его карточке. Оказывается, срок действия старого давно закончился – ну, и он наконец-то завел новый.

– Понимаешь, – прохрипел Ликандр Андронович, – если номер полиса в карточке будет другой, я даже врача вызвать не смогу в случае чего. Я бы сам сходил, но что-то сегодня так плохо себя чувствую, еле на ногах стою... Сделай доброе дело, а?

Ну что тут ответить?..

– Конечно, конечно, я сбегаю в поликлинику, прямо сейчас! – заверил я и взял пластиковую карточку – вроде банковской, только с фоткой. На ней наш сосед выглядел очень даже неплохо: не на сто пятьдесят лет, а всего-навсего на каких-нибудь сто сорок.

– Спасибо, Антоша! – прошамкал Ликандр Андронович. – Кстати, может, там в поликлинике и руку свою вылечишь.

И он кивнул своей белой-пребелой головой с развевающимися волосами-паутинками на мою кое-как перевязанную руку.

Сейчас как спросит, что у меня с рукой...

Я быстренько спрятал ее за спину и, буркнув:

– Да ну, ерунда, чего там лечить, заживет как на собаке! – ринулся вниз по ступенькам.

Какой-то странный звук остановил меня. Как будто наш сосед вдруг заскрипел!

Я затормозил на площадке, оглянулся.

Нет, Ликандр Андронович не скрипел. Оказывается, это он смеялся!

Смеялся и приговаривал:

– Как на собаке! Ха-ха-ха! Как на собаке! Или как на волке! А-ха-ха-ха-ха!

А мне – честно! – мне было не до смеха... Ужасно захотелось крикнуть, чтобы он заткнулся, но я, конечно, промолчал.

Промолчал – и пошел в эту его поликлинику, держа руку по-прежнему за спиной.

Глядеть на собственную верхнюю конечность мне было ужасно неохота.

Тошно мне было на нее глядеть!

А кому было бы не тошно на моем месте?!

История Ярро

Ярро, сын Герро и Барры, лежал на снегу и смотрел, как солнце катится за синие холмы на противоположном берегу реки. При этом белые пушистые облака заливались красным светом. Ярро вспомнил теплую кровь, пятнающую мягкое, трепещущее тело зайца, но не двинулся с места.

Ему был нужен не какой-то там жалкий заяц...

Имя «Ярро» по-волчьи значит «чужой». Почему именно ему дали это имя, было непонятно: ведь он родился в стае, в лесу! Это его мать была чужая: она когда-то пришла в лес из жилища человека, ее, собаку, приняли к себе волки, а молодой Герро – теперь он вожак стаи – сделал ее своей подружкой. Но матери дали имя Барра – Красотка, – и она принесла своему спутнику и стае пятерых... волчат? щенят? – словом, пятерых детенышей.

Четверо получили нормальные волчьи имена, а тот, кто появился на свет первым, оскорбительную кличку Чужой.

Иногда Ярро чувствовал за это злую обиду на соплеменников, но утешался тем, что, став взрослым волком, он сможет взять себе другое имя. Ярро хотел бы называться как отец – Ветром, а еще лучше – Зерро, то есть Храбрым. Но если он успеет до того, как ему исполнится три года – время выбора нового имени, – совершить задуманное, то потребует, чтобы его назвали не иначе как Моррандр – Убивший человека.

* * *

Руку я порезал вчера вечером, когда остался дома один. Родители ушли на день рождения к папиному дядьке и сказали, что придут поздно.

Я знаю, что дядю Вадю мои мама с папой не очень любят, но отец считает себя обязанным ему за то, что когда-то жил в его доме. Ну и оказывает родственнику всякое уважение, хотя общаться с ним и его женой для мамы нож острый, она сама так говорит. Тетя Вика ужасная зануда, помешанная на порядке в их квартире, ну а дядя Вадя – хвастун, каких свет не видывал.

Дядя Вадя любит всем говорить, что он писатель. На самом деле ерунда на постном масле: ни фантастику, ни детективы, ни ужастики он не пишет. Всего-то у него издана одна книжечка – да и та за счет автора, как сказано на последней странице! Книжка эта про природу и про охоту.

Дядя Вадя – любитель охоты. Вроде бы даже иногда что-то подстреливает, но точно не знаю, я никогда его добычу в глаза не видел. Разве что в этой книжке на картинках.

Общается с ним наша семья в основном на его дне рождения. И еще... еще дядя Вадя обязательно является на мой день рождения.

Сказать по правде, меня это немножко напрягает. Сидим, понимаете, с друзьями за столом – и вдруг заваливается такой седой лохматый-бородатый дядька, начинает меня драть за уши, вопя, что он меня из роддома забирал (папа тогда внезапно с аппендицитом в больницу попал, а дядя Вадя как раз оказался поблизости – вот мама напереживалась, представляете?!), качал, можно сказать, мою колыбель, а потому практически мой ближайший родственник.

Потом, надрав мне уши, дядя Вадя начинает сыпать всякими охотничьими историями: сначала непременно рассказывает, как убил волка, который охотился на оленя, потом этого оленя – и отдал кусок его мяса моему папе с мамой (эта история правдивая, ее мои родители подтверждают), а потом реально завирается: если его послушать, получается, что он вообще

первый охотник в мире и невозможно сосчитать, сколько он там лисиц, зайцев, кабанов перебил – они, типа, сами на его «тулку»² лезут!

Ну, короче, родители ушли к дяде Ваде, а я такой сел перед компьютером, собираюсь початиться с парочкой приятелей, ну и вообще полазить по ссылкам, – и вдруг слышу какой-то странный звук, как будто что-то скребется за книжным шкафом.

Вот ни фиги себе, думаю: мыши, что ли, завелись?!

И сразу вспоминаю один жуткий случай, о котором мама рассказывала. Они с папой тогда только что поженились и снимали квартиру где-то на Бекетовке, в старых домах. И вдруг однажды – среди бела дня! – мама заметила, что из кресла, в котором она сидит, вываливается вата. Просто так вываливается на пол – и все. Как будто ее кто-то выдергивает!

Мама встала, перевернула кресло, сунула в вату руку – и обнаружила, что там, в кресле и в вате, находится, типа, такое гнездо, а в нем мышь, которая только что родила мышат... таких розовеньких, слепеньких, еще мокреньких...

Они копошились – ну вата и вываливалась...

Мама всегда, когда этот случай вспоминает, приговаривает: «Хорошо, что мы в это время еще только мечтали о ребенке, в смысле о тебе, а то был бы не ребенок, а выкидыш!»

Между прочим, мои мама с папой и в самом деле долгое время о ребенке, в смысле обо мне, только мечтали. Он – в смысле, я! – у них никак не заводился, но потом – уже через несколько лет после случая с мышами – они смогли купить квартиру, переехали в нее – в этот дом на улице Ижорской, где мы теперь живем, – и наконец-то я завелся! И родился...

Ну, родился, вырос, пошел во французскую школу, получил во дворе прозвище Дохлый Тунец, носил линзы из-за своей миопии вагум, а иногда надевал жуткие очки с толстенными стеклами – как сейчас, когда сидел перед компьютером и слушал, как за книжным шкафом что-то шуршит...

Те мыши, о которых рассказывала мама – розовенькие, слепенькие, ужасенькие! – мигом возникли в моем воображении. И я представил, что будет с мамой, если она их снова увидит... И тогда я – да на моем месте так поступил бы каждый! – решил ее от этого ужаса избавить.

Выбрался из-за стола, с трудом отодвинул от шкафа любимое папино кресло, встал на колени, влип в стенку – и заглянул за шкаф, готовясь совершить подвиг ради мамы.

И захотел: это были никакие не мыши и не мышата! Это была книжка, которая почему-то завалилась за шкаф! И сквозняк – жарница, окна все настежь! – перебирал ее страницы.

Я кое-как книжку вытащил – и сразу узнал. Это была книжка дяди Вади. Она называлась «Первая встреча», и в ней рассказывалась, между прочим, та самая знаменитая история про волка, который гнался за оленем, а дядя Вадя убил того и другого.

И книжка сейчас была раскрыта именно на той странице, где находилось фото: мертвый олень, а на нем лежит мертвый волк.

Я эту книжку сто раз в руках держал. И эту фотку на тринадцатой странице разглядывал. Она была черно-белая, я отлично помнил! Но сейчас она оказалась цветная...

Реально цветная! Я видел тяжелые темно-зеленые лапы елей, сомкнувшихся вокруг поляны, коричневатую шерсть оленя, уронившего рога в истоптанный, окровавленный, усыпанный еловыми лапками снег... я видел полоску алой крови, струившуюся из его горла, и волка я видел – светло-серого, почти белого, бессильно лежащего на олене, я видел его застывшие зелено-желтые глаза, видел рану на его боку, куда вошел охотничий нож дяди Вади...

Я не только видел! Я чувствовал запах елей, и снега, и крови!

Как это могло быть, а?!

² «Тулка» – знаменитая еще с XIX века марка охотничьих ружей. Их выпускали на Тульском оружейном заводе, отсюда и название.

Я смотрел-смотрел на все это, не веря глазам, и вдруг мне в лицо словно ветром понесло! Ледяным ветром, смешанным с дымом охотничьего костра! И даже искры из этого костра до меня долетели! В глазах все поплыло... и показалось, будто убитый волк вскочил на все четыре лапы, взглянул мне в лицо – да и кинулся из книжки прямо на меня!

И он был не один – за ним неслась целая стая!

Я машинально руку выставил, и волк чиркнул меня по ней клыками...

Я заорал, отпрянул – и шарахнулся головой о кресло, которое стояло сбоку. Не по-детски шарахнулся!

Но это привело меня в чувство.

Огляделся – какой лес? Какой окровавленный снег? Какие искры далекого костра? Какой волк?!

Ну да, я полулежу на полу, держу книжку в руках и смотрю на знакомую фотку. Черно-белую! Все путем.

Только на руке – порез.

Я сразу понял, что порезался страницей, когда дернулся как дурак.

А чем еще я мог порезаться? Волчьим клыком, что ли? Не смешите меня!

Нет, правда – страницы в книжках иногда бывают ужасно острые! Вот же гадство!

Я покосился на рану, из которой, конечно, уже должна была сочиться кровь.

И тут я обнаружил, что у меня есть две новости: хорошая и плохая.

Начну с плохой.

Она состояла в том, что болела рука ужасно! Можно было подумать, что там не простая царапина, пусть и довольно глубокая и длинная, а какая-то кровавая жуткая рана!

И вот тут самое время перейти к хорошей новости.

Из этой «жуткой раны» не лилась кровь...

Абсолютно. Совершенно! Кожа и мышцы на месте пореза разошлись, но крови не просочилось ни капли! И вообще, там, внутри, все оказалось почему-то не красное, как должно быть, а какое-то серое.

«Может, из-за типографской краски?» – подумал я.

Хотя эта мысль была чрезвычайно глупой: книжка вышла больше десяти лет назад, а за это время любая краска сто раз высохнет.

Тогда почему?

Надо рану внимательней рассмотреть.

Для начала я решил ее промыть. Пошел в ванную, сунул лапу под кран, подержал, подвивая от боли, осушил полотенцем и начал было рану зализывать, потом спохватился – что же я делаю-то?! Это ж самый верный способ занести заразу! Надо проверить, вымылась ли эта серая грязь?

У нас в ванной лампа на пружине: ее можно опустить и поднять. И вот я опустил лампу до предела низко и начал разглядывать рану.

Посмотрел – и будто ведро колючек проглотил, так меня съежило от страха.

Нет, не может этого быть!.. Не может быть того, что я вижу!

Я потащился, заплетаясь ногами от страха, обратно в комнату, нашел в письменном столе увеличительное стекло, вернулся в ванную...

В увеличенном виде все выглядело еще ужасней.

Но я все равно не верил – не мог поверить!

Снова пошел в комнату. По пути надо было проходить мимо большого зеркала в прихожей. Я проскочил его рысью, пугливо, чуть ли не зубами клацая, отворачиваясь изо всех сил, вбежал в комнату, нашел в карандашнице скальпель (между прочим, самое то медицинским скальпелем карандаши точить!), опять побрел в ванную, где свету побольше... и не выдержал – глянул в зеркало, которое тут висело.

На меня смотрел Дохлый Тунец – собственной персоной! В смысле, я на себя, родимого, смотрел.

С души немножко отлегло, а то я уж вообразил себе невесть что...

Ерундой занимаюсь, конечно!

И все же решил довести эксперимент до конца.

Встал опять под лампой в ванной, закусил край футболки, чтобы не заорать от боли, сжался весь, напрягся – и чиркнул скальпелем рядом с первым порезом.

Ох и кровящи хлынуло! Я на нее уставился – ужасно растерялся, а она с руки стекает, на пол капает...

Кое-как я очухался, схватил пачку бумажных салфеток, которыми мама лишний крем с лица снимает, и мигом все их в крови вывозил. Потом нашел пластырь, залепил свою боевую рану, но перед этим исхитрился ее внутренность рассмотреть.

Ну мясо, ну кожа, ну кровь.

Нормальная царапина! Самая обыкновенная!

И я понял, что ничего не понял... Кровь лилась, но боли я вообще не чувствовал. Как будто по чужому телу скальпелем резанул. А та, первая рана, какой-то несчастной страницей порезанная, болела до сих пор. Но крови из нее так и не вылилось ни капельки. И она даже после промывания осталась серой.

Только это была никакая не грязь... Под увеличительным стеклом я отчетливо разглядел короткую серую шерсть, которая росла внутри этой раны.

Внутри меня.

Звериная шерсть!

История Ярро

Мать Ярро считалась в стае непревзойденным знатоком повадок человека. С нею советовались даже матерые волки: ведь долгие годы она жила в логове людей.

Тогда ее имя было иным. Тогда эту желто-серую узкоглазую лайку звали Сильвой. Хозяину привезли ее из далеких холодных краев крошечным щеночком, и Сильве иногда снились беспредельные белые равнины, колючая наледь между подушечками натруженных лап, которую на привалах приходится долго выгрызать, тяжесть постромок, тянущих назад, в то время как общее тело упряжки рвется вперед и вперед... Она не испытала этого, но, наверное, память предков сохранилась в крови.

Эта смутная память была подавлена теплой сытой жизнью в квартире из трех комнат – так называл свое логово человек. Но осталась тоска – неутрачиваемая и непонятная тоска по свободе. Неумная страсть хозяина к лыжным прогулкам зимой и частым походам летом в леса помогала этой тоске развиваться и крепнуть.

Лес пугал и манил Сильву: резко, больно билось сердце от бесчисленных живых запахов, шире раскрывались длинные узкие глаза, сильные лапы подгибались – в лесной чаще у Сильвы всегда был словно бы растерянный вид, но все-таки она послушно и неумолимо шла рядом с хозяином, не забегая вперед и не отставая, хотя обычно удержать ее было трудно.

Хозяйка недолюбливала Сильву. Уж если держать собаку, думала она, то лучше модных чихуа и пекинеса, на худой конец – толстого мялягу мопса. Но вот подарили лайку... Возись теперь с ней!

Хозяин в конце концов решил продать Сильву, но его отговорил один знакомый – опытный охотник: подсказал, что на этой неприхотливой собачке можно сделать хорошие деньги, когда она подрастет и ощенится. Он бы и сам взял щенка...

С деньгами у хозяина всегда было туго. И Сильву оставили – как вложенный в прибыльное дело капитал, который скоро принесет проценты.

Сильва привязалась к хозяевам, хоть они никогда не нежили и не ласкали ее. Но в памяти – невнятно, полузабыто – жил один случай...

Когда она была еще совсем щенком, к хозяевам приехал на зимние каникулы племянник из другого города – пятнадцатилетний мальчик. Сильву тогда только что привезли, она простудилась в дороге и захворала. Задыхалась от жара, глаза слезились и болели, все время знобило...

Хозяйка брезгливо передергивалась, слыша жалобный скулеж. Хозяин растерялся.

Мальчик же все каникулы провел с ней: поил теплым подслащенным молоком с растворенным лекарством, отогревал, завернув в собственный шарф, а на ночь украдкой брал в постель.

Именно это запомнила Сильва: горячую темную тишину в комнате, призрачные белые узоры на замороженных окнах, тоску по теплому материнскому боку – и давящий страх, который, однако, оставлял ее, сменялся сонным покоем, когда, еле слышно поскуливая, путаясь в одеяле и простынях, она пробиралась к подушке и сворачивалась клубком, стараясь уткнуться носом в горячее, гладкое, горьковатое, но так успокоительно пахнущее, мерно вздымающееся плечо человека, который – Сильва, не зная названия чувств, смутно ощущала это! – любил ее.

Через десять дней мальчик уехал, на прощание поцеловав Сильву в морду влажными и солеными губами. Он просил хозяина отдать ему щенка, но тот не согласился.

Сильве предстояло приносить прибыль!

* * *

Выйдя из двора, я свернул налево, прошел несколько шагов, а потом спохватился, что вообще-то иду не туда.

Направо же надо! Поликлиника – направо.

И швейная мастерская «Метелица» – направо.

Сначала я туда зашел. Ужасно боялся: вдруг там окажется толпа теток-заказчиц, которые будут долго примерять платья, но там сидела одна-разъединяя мастерица.

Похоже, с тетками-заказчицами тут была напряженка.

Я эту мастерицу знал сто лет. Мама часто сюда заходила, да и мне периодически брюки то подшивали, то надставляли. И новые шторы тут подшивали. Ну и все такое. Мастерицу звали Марья Петровна, и она всегда была ужасно грустная.

И меня всегда угощала конфетами.

Я один раз спросил маму, почему это Марья Петровна такая щедрая. У нее своих детей нет, объяснила мама, вот и угощает чужих.

– А почему у нее детей нет? – спросил я.

– Это очень грустная история, – ответила мама и вздохнула: – Ее даже рассказывать страшно.

Ну, раз страшно, я больше расспрашивать не стал. А чего тут непонятного? Наверное, у Марьи Петровны ее дети умерли. Ужас, конечно...

– Джинсы подшить, Антон? – спросила Марья Петровна со своей обычной грустной улыбкой и протянула мне шоколадный батончик.

Я по опыту знал, что отказываться бесполезно, поэтому батончик взял и поблагодарил.

– Пижамные штаны порвал, – объяснил я и развернул то, что принес. – Сможете зашить?

Раньше мне, конечно, случалось слышать выражение: «Глаза на лбу» – но я считал его образным, ну, просто для красоты.

Сейчас понял, что это в натуре такое.

Ну, вообще-то, у меня, наверное, тоже глаза оказались на лбу, когда я утром проснулся и обнаружил, что лежу на полу практически голый, а пижамные штаны на мне разорваны пополам. Задняя половинка штанов – и передняя. Держит их только резинка.

Как я их порвал? Когда? Зачем?!

Причем, наверное, очень старался, когда рвал, – вон пузо все исцарапанное.

Что за ужас мне снился?! Почему уснул на полу? Я не помнил. Но знал, что мама с папой этих рваных штанов увидеть не должны. Потому я и приперся в «Метелицу». Заметать следы, так сказать.

– Как тебе это удалось? – спросила Марья Петровна изумленно.

Я не знал как. Я этого не помнил. И ляпнул первое, что в голову пришло:

– На спор.

Марья Петровна пожала плечами, но, видать, поверила. Взяла с меня двести рублей (у меня были, мама еще вчера оставила на новые учебники) и сказала прийти через час-полтора.

Только тут я спохватился, что забыл дома часы и мобильник. Был, так сказать, в расстроенных чувствах!

– А который час? – спросил я.

– Одиннадцать, – ответила Марья Петровна. – Вот в полдень и приходи.

И я наконец потопал в поликлинику.

Делать доброе дело!

Я здесь никогда в жизни не был. Родители обычно и сами ходили, и меня водили в «Тонус». Он, конечно, платный... ну и ладно, если есть чем платить! А по просьбе Ликандра Андроновича мне пришлось явиться в обычную районную поликлинику. Я такого и не видел никогда! Стены покрашены синей краской и облупились, линолеум драный, протертый, какие-то уродские жесткие стулья с треснутыми сиденьями...

Совок и отстой, короче!

Окошко в регистратуру было загорожено двумя слоями мутного стекла, и только внизу оставлена щель сантиметров в десять. Всем желающим записаться на прием или что-то спросить у регистраторов надо было или на колени становиться, или в четыре погребели сгибаться.

Передо мной сначала стояли несколько человек, но наконец я оказался один около этого окошка. Сказал регистраторше, что мне надо, просунул в «смотровую щель» полис Ликандра Андроновича и облокотился на стену, приготовившись подождать.

Я не возражал подождать. Было о чем подумать! Сегодня я сделал вид, что проспал, и родители, вернувшиеся за полночь, ушли на работу, когда я еще не встал. Но я же не могу от них скрываться каждый вечер и каждое утро! А если мама увидит мою перевязанную руку...

Даже думать о таком не хотелось!

Я потряс головой в надежде, что неприятные мысли оттуда вылетят. Но не получилось.

И я, чтобы отвлечься, стал наблюдать за регистраторшей в белом застиранном халате. Может, эта поликлиника – последняя на свете, где персонал в таких халатах ходит!

И вообще, я думал, тут какую-то правку в компьютере внесут – чик-чик, раз-раз – и готово, а регистраторша бродила между стеллажами с карточками с таким видом, как будто забыла, что ищет.

Мне даже интересно стало – вспомнит или нет?

Точно с таким же интересом за ней наблюдала хорошенькая черная кошечка, которая преспокойно лежала на самом верху стеллажа, на небрежно сваленных в кучу карточках. Она даже свесилась наполовину с полки и водила головой за мелькающим белым халатом – туда-сюда, туда-сюда.

– Да что ж такое! – возопила наконец регистраторша. – Куда карточка делась этого Вежливец?! И что за фамилия такая – Вежливец?!

Ну да, у Ликандра Андроновича такая забавная фамилия. Я-то к ней привык, а посторонним, конечно, странно.

Может быть, кошке она тоже показалась странной, потому что она вдруг вскочила, выгнула спинку, потянулась – и из-под ее задних лап сверху свалилась карточка, угодив прямо на голову регистраторши, совершенно как то яблоко, которое некогда угодило на многооумную голову Ньютона.

История умалчивает о том, что изрек в этот миг Ньютон, а вот регистраторша вскричала:

– Да вот же она, карточка этого, как его... Но почему это она упала оттуда?!

– Ее кошка сбросила, – сказал я.

– Какая еще кошка?! – Регистраторша взглянула на меня как на безумного.

– Которая вон там сидит! – Я хотел показать пальцем, но он ткнулся в стеклянное ограждение регистратуры, и стекло буйно завибрировало. Пришлось объяснять: – Вон та кошка, которая на самом верху стеллажа сидит. Черная такая!

И тут я понял, что ошибся. Кошка только на первый взгляд казалась черной, а на самом деле она была серой.

– В смысле серая, – поправился я. Но немедленно обнаружил, что снова ошибся: наверное из-за игры света и тени. Сейчас кошка была реально рыжая. И я, конечно, снова поправился: – То есть рыжая!

Смешно, но через секунду выяснилось, что я ошибся снова: кошка оказалась вообще белая! А потом я разглядел, что она полосатая...

Так. Кажется, моя расплывчатая близорукость опять активизировалась. Да еще как!

– А может, кошка была в клеточку? – хладнокровно спросила регистраторша, которая наблюдала за мной с тем же исследовательским любопытством, с которым мы с кошкой недавно наблюдали за ней. – А что такого? Кошка в клеточку, нормально... Только ведь тут у нас никакой кошки отродясь не было! Ни белой, ни черной, ни рыжей, ни в горошек, ни в цветочек!

И разложив на столе карточку Ликандра Андроновича, она наконец-то начала исправлять в ней номер полиса.

Я посмотрел на стеллаж. И правда – там никого не было...

Тут за моей спиной кто-то хихикнул.

Я обернулся.

Там стояла девчонка. При виде ее все мои проблемы – и рваные пижамные штаны, и даже шерсть внутри раны! – показались сущей ерундой.

В каком-то древнем совковом фильме одна неказистая девчонка мечтала, чтобы при виде ее все мужчины падали и в штабеля складывались. Сейчас я понял, какой надо быть девчонке, чтобы при виде ее хотелось безропотно сложиться в штабель.

Я, к примеру, уже практически сложился!

Это была не девчонка, а Шамаханская царица, честное слово! Длинные косы – черные, блестящие, брови дугами изгибаются, будто нарисованные, нос – шедевр! Глаза... ну, тут вообще слов нет. Сказочные глаза! Зеленые-презеленые! Прямо даже изумрудные. И вся она была такая тоненькая, как балеринка, так что черные джинсы, майка и балетки казались нарисованными на ней.

Она стояла, глядя на меня этими своими изумрудными глазищами, улыбалась лукаво и поцарапывала ноготком притолоку.

И мне стало ну прямо тошно оттого, что эта Шамаханская царица слышала, как меня регистраторша высмеивала. При такой девчонке хочется, чтобы тебе на голову лавровый венок надевали, честное слово! И это самое малое...

– Кошка точно была! – выпалил я, во что бы то ни стало желая оправдаться в ее глазах.

– Конечно была, – сказала она. – Я знаю.

Ну, ребята... Это не просто девчонка! И не просто Шамаханская царица! Это вообще... ну, я не знаю!

Может, она и цвет кошкин смогла разглядеть?

Я только рот открыл, чтобы спросить, как регистраторша стукнула в стекло:

– Эй, кавалер! Забирай полис своего Вежливого!

Показалось, будто эта тетка в белом халате меня кипятком обварила. Вытащила из-под прилавка полную кастрюлю – и выплеснула в меня. И даже стекло этот кипяток прожег.

Кавалер, главное! Ну почему взрослые бывают иногда такие... такие... ну почему им надо все сделать ужасным?!

И она, Шамаханская царица, она ведь слышала, какой презрительный был голос у регистраторши! Мол, этот длинный, тощий, длинноносый, с пегими лохматыми волосами – этот Дохлый Тунец, короче! – не достоин быть кавалером балеринки с изумрудными глазами.

Я схватил этот несчастный полис, сунул в карман, обернулся – и понял, что не напрасно у меня было такое ощущение, будто мир развалился на мелкие кусочки.

Все-таки эта вреднючая тетка сделала свое дело!

Шамаханской царице, видимо, ужасно не понравилось, что меня зачислили к ней в кавалеры. И она ушла.

Пропала!

Я тупо посмотрел на притолоку, в которой девчонка успела процарапать своими ноготками несколько довольно глубоких борозд.

Ничего себе, вот это ногти у нее! Если бы регистраторша увидела это, вот бы крик подняла!

Но поздно. Шамаханская царица исчезла.

Поликлинике останутся на память о ней хотя бы эти борозды! А мне... а мне не останется ничего.

И с этой мыслью – будто потерял что-то драгоценное! – я вышел на крыльцо и побрел домой. А по пути – забрать штаны в мастерской и отнести Ликандру Андроновичу его медицинский полис.

История Ярро

Шло время. Сильва повзрослела. Хозяин решил, что настало наконец время оправдать деньги, уплаченные за эту собаку. Чистопородные лайки вошли в моду, за щенков должны были хорошо заплатить.

Стояла осень. От листьев, которые уже не шумели над головой, а вяло лежали на земле, шел сырой, острый запах. Ноздри Сильвы раздувались от этого запаха, все время хотелось выть, но не тоскливо, а как-то иначе...

Она все время рвалась с поводка, хозяин даже беспокоился, что не удержит ее. Прогулки стали короткими, а Сильве так хотелось свободы!

Однажды хозяйка, прихватив всегда дурно пахнущее мусорное ведро, вышла в коридор к некоему утробно урчащему железному сооружению с огромной пастью, вонючей от множества поглощаемых ею отбросов.

Сильва подошла к неплотно прикрытой двери. Что-то словно бы толкнуло собаку! Шаг, еще шаг... Ступеньки замелькали под лапами, в темноте нижнего этажа она юркнула мимо испуганно взвизгнувшей тени – и выскочила на улицу. Впервые одна, без поводка и без хозяина.

Испуг от непривычной, внезапной свободы несколько охладил ее стремительность, но разбег был уже взят, и Сильва, несколькими прыжками миновав двор, выскочила на бульвар, где часто гуляла с хозяином.

Еще утром мягко пружинили под лапами прелые листья, а сейчас все было покрыто тонким слоем нежданно и рано выпавшего снега. Острое – до щенячьего визга! – счастье нахлынуло на Сильву, и тут она увидела крупного черного пса с широкой, почти квадратной мордой, с большими круглыми ушами и мощными лапами. Пес стоял невдалеке, под деревьями, с которых изредка падали на него мягкие влажные хлопья снега.

Сзади толпились другие собаки. Бродячие. Дворняги... Племя, самое презираемое хозяевами Сильвы!

Ей стало страшновато. Она повернулась, чтобы убежать, но дворняги уже окружили ее, загородив путь.

Бежать было некуда.

* * *

Я повернул налево, сделал несколько шагов – и тотчас спохватился, что мне опять направо надо, если хочу попасть в мастерскую и домой. С чего это я левачу, понять не могу!

Хотя идти забирать штаны было еще рано. Мне казалось, я в поликлинике невесть сколько времени пробыл, а на самом деле – каких-то полчаса. Это я понял, когда посмотрел на часы на фасаде Автодорожного техникума – напротив поликлиники.

Я посмотрел в небо. Солнце стояло в зените.

Вот интересно, на небе уже полдень. А на часах еще нет.

И вдруг я забыл и про налево, и про направо, и про штаны, и про часы, и про швейную мастерскую, и про солнце, и вообще про все на свете, потому что увидел впереди Шамаханскую царицу.

Она уже прошла почти весь квартал по Ашхабадской от поликлиники до Белинки и готовилась перейти улицу, чтобы попасть в парк Кулибина, да задержалась на светофоре.

Я чесанул следом, но вдруг услышал чей-то шепот:

– Пошел прочь, дурак! Чего пристал?! Тебе тут не место! Пропадешь! Пошел вон!

Я оглянулся – никого. То есть вдали тащится какой-то дядька, но, во-первых, далеко, я бы его не услышал, а во-вторых, шепот был женский. Вернее, девчачий...

Глюки у меня, что ли? Что ж за день такой... не день, а натуральная психушка! А если вспомнить вчерашний вечер?!

Я снова посмотрел вперед и обнаружил, что, пока я башкой попусту вертел, Шамаханская царица уже перешла дорогу и углубилась в парк. А на светофоре уже желтый, тут переход короткий!

Я рванул со всех ног, прошмыгнул прямо под курносым рылом маршрутки и вбежал в густую тень кленов.

Тем временем Шамаханская царица свернула за большой куст бересклета – и вдруг три бродячие собаки так и бросились туда.

– Пошли вон! – заорал я, но собак, оказывается, заинтересовала не Шамаханская царица, а черная кошка, которая из-за куста выскочила и взлетела на дерево.

Псы прыгали под деревом и лаяли на кошку, но при этом они почему-то иногда оглядывались на меня с укоризненным выражением: типа, а ты почему не лаешь? Почему не подпрыгиваешь как можно выше, чтобы поймать кошку за лапку и стащить вниз?

Ну, я не лаял, это точно. И не подпрыгивал. Я просто стоял и тупо смотрел на эту кошачью лапку, на который была надета черная балетка, такая узенькая, будто нарисованная...

Но вот кошка дернула лапкой, поджала ее – и я понял, что это мне тоже померещилось. Очередной глюк!

Нормальная кошачья лапка с нормальными кошачьими когтями.

И я понял, что мои дела совсем плохи. Говорят, любовь с первого взгляда – это страшная штука! Запросто крышу сносит! Теперь я в этом убедился.

Надо же, дошел... если девчонка даже в кошке мерещится – это уже полный аллес капут...

Но я опять упустил ее, Шамаханскую царицу! Пока псы меня отвлекали, она куда-то скрылась.

И тут я призадумался. А с чего я взял, что ей было бы приятно, если бы я ее догнал? Захотела бы познакомиться – не сбежала бы от меня.

Такая девчонка... вообще... и я, Дохлый Тунец! Больно я ей нужен.

Ну и ладно.

Я уже повернул было назад, как услышал яростное шипение кошечки, которую атаковали псы.

Посмотрел внимательней. Она была очень похожа на ту кошку, которую я видел в поликлинике. Правда, цвет не меняла. Сидела себе на ветке – черная-пречерная – да шипела на собак.

Мне стало ее жалко. Я рывкнул на псов – они завыли довольно-таки трусливо, начали припадать к земле и тут же дали деру, оглядываясь на меня и жалобно взлаивая.

Ну надо же! Только что были практически друзьями, звали полаять за компанию – и вот удрали, будто у меня в руках откуда-то взялась дубинка.

– Тунец, – услышал я чей-то голос, – тебя в партию зеленых не примут! Чего собак гоняешь?

Голос был не чей-то, а Пашкин.

Пашка... с нашего двора. Один из моих друзей детства.

Выражаясь фигурально...

– Он думал, что это рыбы-собаки, – отозвался второй голос, и я узнал Сашку.

Затем раздалось визгливое девчачье хихиканье, и я тоскливо вздохнул.

Это хихиканье мне было знакомо с того времени, когда мы играли одним мячиком.

Хихикали Валя с Людой. Валя – длинная и тощая, еще тощее меня, но ее дохлой почему-то никто не зовет. Люда – круглая, как шар, но ее никто не зовет камбалой. Эти две девчонки таскаются всюду вместе, как попугаи-неразлучники, вечно под ручку сцепившись, шепча что-то одна другой на ухо и беспрестанно хихикая.

Чего их сюда принесло?! Хотя легко догадаться. Мороженого пришли поесть. Здесь отличное мороженое с лотка продают. Вон там, невдалеке. Развесное, в хрустящих вафлях. Такого в магазине не купишь! Вот и явились в парк.

Как будто не было другого времени сюда прийти!

– Нет, Тунец у нас сегодня молодец! – сказала Люда. – Он кошечку спасал. Ой, какая хорошенькая кошечка, какая миленькая...

– Ой, прелесть! – восторженно простонала Валя.

А Пашка с Сашкой согласились:

– Классная котэ.

И они все в один голос заверещали:

– Кис-кис-кис!

Кошка грациозно спустилась с дерева и завертелась перед ними. И прыгала, и на спинку опрокидывалась, и подставляла шейку каждому под руку, а зеленые глаза то блаженно щурились, то бросали на меня лукавые взгляды.

Я стоял как дурак и смотрел на эту компанию. И заметил, что кошка постепенно передвигается по траве, как бы заманивая ребят за собой. Она явно стремилась к большой изогнутой ветке, которая нависала над какой-то ямой. И наконец в эту яму свалилась.

И когда она ударилась о землю, я увидел на минуточку, кто это на самом деле...

Я понял, что мне не померещилась черная балетка на ее лапе. И понял, почему на при-толоке в больнице остались такие глубокие борозды...

Но через миг она уже снова стала черной кошкой.

Запищали, захохали девчонки, и вот Пашка уже собрался спрыгнуть в яму, пролезть под ветку и вытащить кошку.

Спасти ее, так сказать!

У него бы ничего не получилось, я точно знал. За ним спрыгнул бы Сашка, а потом и Валя с Людой. Но делать они этого не должны были ни в коем случае! Я чувствовал опасность, от которой чуть не завыл.

Конечно, мне очень хотелось посмотреть, какими они из-под этой ветки вылезут... Так и подгрызало желание рассчитаться с ними за все издевки!

Но я точно знал, что этого делать нельзя. Я не должен допустить, чтобы они пролезли под веткой и стали теми, кем их хотела сделать кошечка!

Почему не должен допустить?

Нипочему.

Не должен, вот и все. Нельзя! Я это знал так же точно, как то, что у меня внутри, под кожей, теперь серая шерсть!

«Да брось! – шепнул мне в ухо тот же голос, который недавно называл меня дураком и гнал прочь. – Зато ты от них избавишься. Навсегда!»

Голос врал! Никогда бы я от них не избавился! Они бы снова и снова возвращались к нашему дому и выли под окнами своих бывших квартир. И жались бы к ногам своих родителей, когда те выходили бы во двор. А те гнали бы их прочь, даже не подозревая, кого гонят!

А если бы я встречался им на улице, они мчались бы за мной и норовили укусить, даже загрызть насмерть. И может быть, однажды им это бы удалось.

И это было бы справедливо. Потому что я мог их спасти, но не спас.

Но как их спасти?! Как остановить?! Если бы я начал рассказывать про то, что это за кошка, они бы просто со смеху перемерли. Они бы меня ни за что слушать не стали! И кошку прогнать мне бы не удалось. Такая уж это была кошка!.. Я мог бы, наверное, обозвать их как-нибудь отвратительно, чтобы они разозлились и кинулись за мной! Увести их из парка! Но я точно знал – не знаю почему! – что они не уйдут. Кошка – ага, кошка, она такая же кошка, как я хомячок! – держала их крепко. Она бы их всяко заставила под веткой пролезть. А ветка-то была не простая...

Я знал, что ребята видят просто сухой толстый сук. Местами покрытый корой, местами голый, ободранный. А я видел... а я видел, что ветка вся оплетена какими-то нитками, сухими травами, корешками какими-то... В этих оплетках все дело и было!

Я это мог разглядеть. Ребята – нет.

Что делать? Как их остановить?

Броситься на ветку, попытаться ее сломать? Не получится. У меня – такого, какой я сейчас, – не получится! Я не справлюсь с колдовством.

Я должен был стать другим!

Я не хотел, честно, я этого не хотел! Но просто не мог ничего с собой поделать! Это было сильнее меня!

Я сорвал с руки повязку, вцепился пальцами в ту рану, которую нанесли мне волки, бросившиеся из книжки дяди Вади, с тринадцатой страницы, но тут же спохватился.

Теперь я наконец-то вспомнил, как разорвал пижамные штаны. Но ночью мне все же удалось не выбраться из дому... Именно потому, что я штаны так и не сбросил с себя, я и не стал тем, кем мог стать. Часть одежды – резинка пижамных штанов – меня держала. Ночью я был еще слабым и плохо соображал, что делаю. По неопытности!

А сейчас... сейчас во мне пробудились какие-то... знания? Нет, лучше сказать – инстинкты.

Итак, сначала надо раздеться. Совсем! И поскорей! Время терять нельзя!

Я огляделся – и опрометью кинулся на детскую площадку. Она вся заросла крапивой, особенно густо – деревянная горка. Я вломился в крапиву, не чувствуя ожогов.

Нормальненько... Раньше я бы от боли ревел громче сирены! А сейчас – нет...

Под горкой – я это помнил еще с тех пор, как сам с этой горки катался с прочей малышкой, – была такая крошечная каморка. Типа, домик для малышки. Но там никто никогда не играл – из-за крапивы. Я влез туда, сорвал с себя одежду, швырнул в угол – и снова запустил пальцы в серую шерсть, которая выросла внутри моей раны.

Ох, как же мне стало больно!.. Я застонал, завыл... Но я должен, должен был вывернуться из своей кожи! Иначе... я точно знал, что иначе Сашка и Пашка, Валя и Люда никогда не вернуться домой.

Я их терпеть не мог. Они были мои враги! Я их, честно, иногда ненавидел даже!

Но я не мог их бросить, не мог!

Поэтому я, завывая от боли, выворачивал свою кожу дальше и дальше, и серая шерсть все больше покрывала мое тело. Она была еще влажная, но высыхала и топорщилась на глазах.

Серая, жесткая, с белыми пятнами...

Эти пятна наводили на какие-то мысли... они что-то значили...

Но сейчас мне было не до того, чтобы думать. Я вертелся так, словно на меня напала стая ос! Я спешил! Надо было действовать!

И наконец я с рычанием, от которого аж горло заболело, выскочил из-под горки – и крапива полетела в разные стороны из-под моих лап.

Добежать не успею. Прыгать!

Я оттолкнулся задними лапами и прыгнул так, как и во сне человеческом мне не снилось!

Пашка уже спустился в яму и почти пролез под ветку, когда я всем весом свалился на нее.

Ветка хрустнула, но почему-то не сломалась, а рассыпалась в прах. Я упал на Пашку, Пашка заорал, девчонки завизжали:

– Волк! Волк!

Но Сашка прикрикнул на них:

– Дуры, какие тут волки, в парке?! Это собака!

Я сверкнул на них глазами. Не будь они такими тупицами, они бы знали, что у собак глаза не сверкают... Это признак волка!

Хотя мне было все равно, за кого они меня принимают и как сейчас называют. Главное – не Дохлым Тунцом!

Пусть бы только попробовали...

А впрочем, они про этого бедолагу Тунца и думать уже забыли. Сейчас они дружно орал на серо-белого пса (а может, волка?), который чуть не задавил черную хорошенькую кошечку.

Она еле-еле успела выскочить из ямы и со страшным шипением понеслась прочь.

Я – за ней.

Парк промелькнул в одно мгновение. Мы мчались по улице, люди шарахались от нас.

Наверное, видок у меня был еще тот! Пасть оскалена, шерсть дыбом, рычание так и рвется из горла!

А впереди меня то черная кошка летит, то ветер несет охапку сена, то палка переваливается, то клубок ниток катится, а то несколько кошек от меня несутся в разные стороны: черная, серая, белая, рыжая, полосатая, пятнистая – словно надеются, что я с дороги собьюсь и за какой-нибудь из них понесусь.

Но я-то точно знал, что она – черная! И не терял ее из виду.

Мы неслись как бешеные – с такой скоростью, что даже автомобили обгоняли, – но я не чувствовал никакой усталости. И даже не заметил, как мы вернулись по Студеной на Белинку, как промчались наискосок через парк Пушкина, миновали какие-то улицы со старыми домами, понеслись по трамвайным рельсам, откуда был поворот в Ветеринарный переулок, в котором, что самое смешное, находилась ветеринарная клиника, потом вдоль стены, сложенной из потемневшего замшелого кирпича и огораживающей старое кладбище, спустились к оврагу, вломились в заросли – и тут, над вонючим затхлым ручейком, берега которого были усыпаны пластиковыми бутылками и всякой гадостью, кошка вдруг вскочила на дерево, распласталась на длинной толстой ветке, свесив хвост и лапы, словно решила отдохнуть.

На самом деле она, конечно, ничуть не устала. Так же, как и я!

И вот я сидел под деревом, она смотрела на меня сверху, мерцала своими сказочными зелеными глазами, и я, кажется, слышал ее мысли:

«Я же говорила тебе, дурень: иди прочь, тебе тут не место! Говорила – пропадешь! Ну вот теперь и пеняй на себя! Думаешь, я за тебя заступлюсь? Даже не надейся!»

И тут я почувствовал чье-то затаенное дыхание за спиной.

Подскочил, обернулся...

Шуршала трава. По траве скользили змеи – несколько черных гадюк. По их следу спешили крысы – серые, с длинными голыми хвостами, тоже похожими на змей.

Какой-то тяжелый, гнетущий шум послышался в вышине.

Я задрал голову.

Откуда ни возьмись прилетела, неуклюже хлопая крыльями, большая ушастая сова: старая, выгоревше-черная, в серых пятнах, очень похожая не на живую птицу, а на какое-то заплесневелое музейное чучело. Она села на ветку рядом с кошкой, причем та осторожно подобралась, чтобы дать место сове.

Сова на нее даже не глянула: огромными черными глазами уставилась на меня. Разинула крючковатый клюв – и заухала, словно захохотала.

Если бы я оставался человеком, я бы ужасно удивился, что сова днем прилетела и пялится на меня. И что у нее не желтые, а черные глаза. И еще удивился бы, что кошка не кинулась на нее, а косится как бы со страхом.

Но я уже был не человеком... И сейчас вдруг сообразил, что шансов снова им стать у меня очень мало.

Если я этого хочу, мне надо бегом бежать! Со всех лап! Туда, где осталась моя одежда!

Влезу в нее, хотя бы верхнюю лапу в рукав суну, а нижнюю – в штанину, – и вернусь в прежний облик. Теперь я знал это совершенно точно. А пока не оденусь, оставаться мне то ли волком, то ли псом!

И только я об этом подумал, как сова плюхнулась сверху мне на спину – так внезапно, что я даже увернуться не успел. Да и не смог бы: змеи, которые только что таились в траве, кинулись ко мне и оплели мои лапы, словно веревками повязали! А сова вцепилась когтями в мой загривок и... и я почувствовал, что отрываюсь от земли, что сова тащит меня куда-то!

Я еще успел покоситься вниз, но кошки там уже не было: она со страшной скоростью вилась по земле клубком сухой травы, не отставая от совы, а за ней стремительно скользили крысы, вытянув хвосты.

Тут голова у меня ужасно закружилась, и я больше ничего не видел и не понимал.

История Ярро

Сильва сбежала из бродячей стаи спустя два дня. Раньше никак не удавалось: ее стерегли и, чуть что, больно кусали.

Но вот собаки вволю наелись на помойке и, разморенные сытостью, уснули под окошком какого-то подвала, откуда шел теплый влажных воздух.

И Сильве удалось наконец вернуться домой.

Хозяева встретили ее без радости, но все же вымыли и накормили. Она долго, блаженно спала, даже не представляя, как теперь изменится ее жизнь.

И скоро эти перемены начались...

Хозяйка то и дело норовила пнуть ее своими острыми, всегда громко стучащими по полу ногами. Сильва предпочитала отсиживаться в своем углу. У хозяина искать защиты было бессмысленно. Он тоже изменился: не водил больше Сильву гулять, а темными утрами силком выпихивал ее из подъезда, и когда она, торопливо оправившись прямо у крыльца, дрожа от страха и непонятного стыда, скулила у двери, хозяин открывал далеко не сразу и всегда с выражением хмурого недовольства на лице.

Кормили ее теперь скудно и плохо, но привередничать не приходилось: ведь Сильва была уже не одна.

Именно в этом и дело! От нее ждали чистопородного потомства, за которое можно получить большие деньги. А она должна была принести каких-то дворняжек!

И вот Сильва ошенилась.

Дома никого не было. Она страшно устала, облизывая детенышей, и не заметила, как вернулись хозяева.

Хозяйка начала визжать и поскуливать, в голосе ее слышались нотки неутраченной ненависти, а хозяин проворно собрал щенят в пластиковый пакет и мигом выскочил за дверь – прежде чем измученная Сильва опомнилась. Она бросилась было следом, но ударилась мордой и грудью о захлопнувшуюся дверь.

Хозяин долго не возвращался, и все это время Сильва, истошно рыча, билась в дверь, а хозяйка продолжала скулить от страха, запершись в комнате и не смея выйти оттуда.

Хозяин вернулся, когда Сильва уже в кровь разбила морду; онемевшие лапы, ударяясь о дверь, не чувствовали боли. Едва хозяин вошел, Сильва проскользнула мимо него в дверь и бросилась вниз по лестнице.

Ненавистный запах хозяина, смешанный с мыльным и жалобным – родным, щенячьим, детским, – долго вел ее по обледенелым завьюженным улицам, пока возле тяжелой крышки, из-под которой поднимался пар, не остался только один из этих запахов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.